

Рецензии

История Монголии. XX век.

Отв. ред. Г.С. Яскина М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

В двадцатом веке наш восточный сосед Монголия пережила много различных событий в своей истории. Одни из них оставили светлый след в памяти монголов, другие были окрашены в трагические тона. Обо всем этом подробно рассказано в монографии, подготовленной ведущими российскими монголоведами — Е.В. Бойковой, М.И. Гольманом, В.В. Грайворонским, А.С. Железняковым, С.Г. Лузяниным, Ш.Г. Надировым, С.К. Роциным, Г.С. Яскиной. Книга представляет собой первый опыт аналитического описания на русском языке современной истории Монголии. Она свободна от идеологических клише, которыми в определенной степени страдали работы советских (как впрочем, и зарубежных) авторов. Здесь впервые объективно представлен исторический процесс развития современного монгольского общества, содержится целый ряд новых оценок, в частности, касательно советско-монгольских отношений, исторической роли Чойболсана и Цеденбала, характера социально-экономического строя Монголии в начале XX в.

За прошедшие сто лет Монголия, бывшая в начале века провинцией Китая, превратилась в независимое государство, занимающее достойное место в мировом сообществе. Авторы монографии не согласны с тезисом о застойном характере монгольского общества на рубеже XIX—XX вв.: "Просто, изменения, которые имели место в Монголии, по меркам Европы, не казались адекватно созвучными новым веяниям и темпам технического прогресса: исследователи часто воспринимали их как лишь экзотические ступени давно прошедших в передовых странах эпох или как настолько микроскопические новации, что не принимали их во внимание. Для самой же Монголии они имели поистине революци-

онное значение" (С 21—22. курс. авт. — В.Б.). В этой связи в книге говорится о появлении стационарных городов и такого социального слоя, как горожане, состоявшего из рабочих, ремесленников, людей свободных профессий; точечном внедрении технических и культурных новинок — телефона, телеграфа, газет и т.п. По мнению М.И. Гольмана и А.С. Железнякова, нельзя рассматривать кочевое скотоводство, занимавшее господствующие позиции в общественном производстве, как отсталый тип, "кочевое скотоводство — это тип хозяйства, — пишут они, — а не некая докапиталистическая стадия развития" (С. 23). С этим важным выводом нельзя не согласиться, учитывая природные условия страны, прежде всего, физико-географические и климатические.

В первые два десятилетия XX в. монгольский народ вел упорную борьбу за свое освобождение от маньчжурской Цинской династии. В этой борьбе он неизменно получал поддержку от правительства царской России, которое занимало "грамотную" дипломатическую позицию в "монгольском вопросе", и от руководства советской России, политика которой по отношению к Монголии при всех политико-идеологических различиях с царским режимом отличалась преемственностью. Об этом убедительно свидетельствовало подписание 5 ноября 1921 г. Соглашения между правительством РСФСР и народным правительством Монголии, согласно которому последнее признавалось единственной законной властью страны. Именно благодаря позиции России (и царской, и советской) Монголия смогла обрести национальную государственность.

Значительный интерес представляет глава, посвященная внешней политике

МНР в 1925—1939 гг., поскольку это был своего рода переломный момент в истории монгольского общества двадцатого столетия. Ее автор, известный специалист по современным международным отношениям стран Азии С.Г. Лузянин подробно рассматривает сложные перипетии выработки внешнеполитической доктрины монгольского государства в этот период. Как пишет автор, шла борьба двух тенденций — национального возрождения без руководящей роли СССР, с одной стороны, и политического сближения Советского Союза и Монголии, с другой. По его словам, курс “монгольских национальных демократов был обусловлен желанием части советского и Коминтерновского руководства искусственно ускорить ход революционных и социально-экономических преобразований в Монголии, без учета национальной и исторической специфики, что отрицательно сказывалось на ситуации в Монголии и на советско-монгольских отношениях” (С. 133—134). Исторические факты свидетельствуют о том, что советские советники стремились превратить Монголию в полигон по реализации теории перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм. Под социализмом понималась сталинская модель, существовавшая в то время в советском обществе.

Естественно, что главное место в монографии занимает анализ модернизационного процесса в Монголии в период нахождения у власти Монгольской народно-революционной партии (МНРП) — 1921—1990 гг. Авторы подробно описывают все этапы этого сложного процесса со всеми его успехами и неудачами, приводят большое количество статистических, цифровых материалов о динамике промышленного и сельскохозяйственного производства, городского строительстве, финансовой политике, положении в образовании и здравоохранением, демографической ситуации и т.д. Приводимые в книге данные убедительно свидетельствуют о высокой динамике развития экономики. В эти годы при помощи Советского Союза и других социалистических стран были построены сотни промышленных, сельскохозяйственных, транспортных, социально-культурных и других объектов. Достаточно, например, сказать, что по ряду основных показателей

развития здравоохранения, особенно в сельской местности среди кочевого населения, Монголия в конце 80-х гг. прошлого столетия опережала большинство развивающихся стран (С. 288), она стала страной поголовной грамотности. В период нахождения у власти МНРП страна добилась значительных успехов в развитии современных видов промышленности, земледелия, транспорта, связи, социальной сферы, образования и культуры, увеличения общей численности населения, повышения его образовательного и культурного уровня, была создана современная интеллигенция. Тем самым было сокращено исторически сложившееся отставание от более развитых стран. Этот период можно охарактеризовать как важный этап в модернизации традиционного монгольского общества. Именно тогда был заложен тот значительный политический, экономический, культурный и интеллектуальный потенциал, с которым монгольское общество подошло к новому этапу своего развития, начиная с 1990 г.

Конечно, в социальном, экономическом и культурном строительстве в процессе модернизации были и определенные перекосы и ошибки. Здесь прежде всего следует сказать о сельском хозяйстве: несомненной ошибкой были методы и темпы обобществления скота — основного богатства, капитала, средства производства и потребления аратов-кочевников. Если и надо было проводить кооперирование, то с учетом монгольской специфики, менталитета монголов, однако это не было принято в расчет. Как справедливо пишет признанный авторитет по вопросам кооперирования аратов В.В. Грайворонский, “лишившись большей части своего богатства и капитала, взяв на себя ответственность за сохранение и приумножение общественного стада и не получив адекватной оценки и вознаграждения за свой тяжелый труд, многие араты постепенно утратили экономические и моральные стимулы к интенсивному труду в коллективном хозяйстве” (С. 298). Результатом кооперирования животноводства стал хронический дефицит рабочей силы. Несомненно, что негативным фактором, сказавшимся на развитии Монголии, было отсутствие в ней современного рабочего класса. В течение многих столе-

тий монголы занимались кочевым скотоводством, что обуславливало определенный тип работы, не связанной со строгой дисциплиной и строгими временными рамками. Естественно, это влияло на качество монгольских рабочих, еще вчера бывших аратами-кочевниками. Как показывает опыт многих стран, формирование современного рабочего класса требует не одного десятилетия. В монографии справедливо отмечается, что “экономическая эффективность промышленности МНР в целом оставалась низкой. Имеющиеся промышленные мощности использовались недостаточно полно и эффективно. Качество продукции многих предприятий за исключением некоторых горнодобывающих отраслей оставалось низким. Имели место многочисленные нарушения производственной и трудовой дисциплины, бесхозяйственность. Медленно росла производительность труда” (С. 284).

Авторы указывают также на серьезные недостатки в советско-монгольском экономическом сотрудничестве, которые выражались прежде всего в отсутствии увязки экономических потребностей и возможностей Монголии с возможностями Советского Союза, невысоком подчас уровне техники и технологии, поставляемых советской стороной для ряда монгольских предприятий, наконец, в диспаритете цен на советскую и монгольскую продукцию.

Тем не менее в своей основе советско-монгольские отношения при всех своих недостатках были отношениями подлинной дружбы. Поэтому совершенно справедливо известный специалист по современной политической истории Монголии Г.С. Яскина пишет, что “нет особо веских оснований считать, что советско-монгольские отношения на протяжении всего времени их существования и развития были отношениями эксплуататора и эксплуатируемого, страны-колонизатора и страны колонизируемой, как это было принято изображать во многих работах западных ориенталистов” (С. 231), да и в статьях некоторых публицистов и ученых в самой Монголии в 90-х гг. прошлого столетия. Достаточно указать в этой связи на политику Англии, Франции, Португалии, Испании по отношению к своим африканским и азиатским колониям. Они оставили в них после себя низкий

культурный и общеобразовательный уровень населения, отсутствие элементарной системы медицинского обслуживания, всеобщую бедность. Благодаря помощи и поддержке Советского Союза монгольская нация смогла не только сохраниться как самостоятельный, самобытный этнос, но и возродить собственную государственность, признанную международным сообществом. Современная Монголия по многим социально-экономическим параметрам выгодно отличается от большинства сравнимых с ней по численности населения стран и не только азиатских и африканских.

Вопросы о российско (советско)-монгольских отношениях, роли Советского Союза в определении внутренней и внешней политики Монголии, ВКП(б) КПСС в большей или меньшей степени затрагиваются во всех главах монографии. И это неслучайно. Советское руководство, Коммунистический интернационал оказывали прямое влияние на стратегию и тактику Монгольской народно-революционной партии, на ее кадровую политику. Более того, отдельные деятели ВКП(б) и лично Сталин, представители Коминтерна несут свою долю ответственности за массовые репрессии 30-х годов, они участвовали в принятии многих конкретных решений по кадровым вопросам МНРП, выработке мероприятий внутриполитического и внешнеполитического характера. Во многих случаях подобные мероприятия проводились без учета реалий Монголии, менталитета ее жителей. Естественно, что они приводили к серьезным трудностям в жизни страны. А они, эти трудности, списывались на происки “классовых врагов”, которых следовало уничтожить. Во времена “большого террора” 30-х годов (его зачатки имели место еще раньше, в 20-е годы) пострадали десятки тысяч людей — от руководителей страны до простых граждан. В заявлении ТАСС (июль 1990 г.) отмечалось, что “анализ имеющихся в МНР и СССР архивных материалов показывает, что репрессии против партийных, государственных, военных кадров, интеллигенции, священнослужителей, других монгольских граждан в указанный период осуществлялись в обстановке, порожденной сталинщиной, организовались и проводились Х. Чойбалсаном и его окружением при участии подруч-

ных Ежова, а затем Берии. Некоторые граждане МНР, включая руководящих деятелей МНРП и членов правительства страны, были незаконно осуждены и погибли в СССР. Впоследствии они были полностью реабилитированы” (С. 106—107). Конечно, определенную вину за репрессии несут и сами монгольские руководители.

Следует подчеркнуть в этой связи, что в центре внимания монгольских революционеров на протяжении 20—30 гг. прошлого столетия находился очень важный с теоретической и политической точек зрения вопрос о путях и средствах преодоления социально-экономической отсталости Монголии и вхождения ее в современную цивилизацию. Как известно, классический марксизм в лице К. Маркса и Ф. Энгельса исходил из постулатов о возможности победы социализма первоначально лишь в развитых странах. Позднее В.И. Ленин выдвинул свою знаменитую идею о “слабом звене” в мировой системе империализма, каковым являлась Россия. Однако Монголия по уровню своего развития не относилась даже к “слабому звену”. Поэтому естественно, что среди монгольских революционеров, ориентированных на ВКП(б), возникали оживленные и даже ожесточенные дискуссии о том, каким путем идти Монголии — копировать ли советскую модель либо найти такую схему развития, которая учитывала бы национальные реалии. Представители ВКП(б) и Коминтерна, воспитанные на европейском опыте и весьма далекие от понимания реальной ситуации в Монголии, квалифицировали подобные дискуссии в рамках привычного для партийной терминологии тех лет шаблона борьбы “правых” с “левыми” и наоборот.

Однако, по нашему мнению, было бы неправильно всю вину за трагическую развязку партийных дискуссий возложить только на представителей ВКП(б) и Коминтерна. Как показывает мировой опыт, на начальном этапе революции большую роль играет не трезвый расчет, а голый энтузиазм, романтизм. Достаточно упомянуть Китай 50—60-х гг. прошлого столетия. Самым первым монгольским революционерам — безотносительно от вмешательства извне — были присущи упрощенные, поверхностные представления о социализме. Следует принять во внимание и их низкий,

за редким исключением, общеобразовательный и тем более теоретический уровень. Для многих из них несогласие с их взглядами означало переход на сторону “классового врага”. Сама обстановка тех лет предрасполагала к жесткой политической борьбе. Поэтому нельзя не согласиться с мнением С.К. Рощина, полагающего, что “к монгольским событиям в той или иной степени были причастны многие яркие личности — политики, военные, специалисты — из Советской России, по линии Коминтерна. И все же первое слово принадлежало самим монгольским руководителям. С самого начала они не были простыми исполнителями чужой воли, не следовали слепо советам извне, имели свою позицию, твердо отстаивали национальные интересы так, как их понимали” (С. 65).

На страницах книги, особенно во второй главе, (автор С.К. Рощин) проходит вереница имен многих видных государственных и партийных деятелей Монголии — Д. Бодо, Д. Чагдаржава, С. Данзана, П. Гэндэна, А. Амара, Д. Лувсаншарава, Д. Догома, Л. Лосола, С. Довчина, О. Бадраха, З. Шижээ, Р. Мэнда и других, сыгравших большую роль в становлении новой Монголии. Естественно, что авторы книги не могут пройти мимо оценки деятельности двух политических лидеров Монголии, сыгравших в ее истории наибольшую роль — Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбала. Общее мнение авторов о Х. Чойбалсане сводится к следующему: он много сделал для создания независимой Монголии, но одновременно установил в стране тоталитарный режим, проводил политику политических репрессий (С. 187, 210). Что касается Ю. Цеденбала, то, как отмечается в пятой главе монографии (авторы Ш.Г. Надиров, В.В. Грайворонский), по своим личным качествам он был добрым и отзывчивым человеком, горячим патриотом своей страны. Однако длительное нахождение на высших — партийном и государственном — постах (более сорока лет) оказало отрицательное влияние на его личность. В постановлении V пленума ЦК МНРП (от 22 декабря 1988 г.), в частности, указывалось: “По мере концентрации власти в руках Ю. Цеденбала, который в течение многих лет находился в руководстве партии и государства, все сильнее проявлялись такие негативные стороны, как от-

ход от принципиальности в руководящей партийно-государственной деятельности и вопросах кадров, принижение значения коллективного руководства, своеволие, глухота к мнениям других, расхождение между словом и делом" (С. 236). В этом постановлении Ю. Цеденбала справедливо обвиняли в субъективизме и волюнтаризме. К этому следует добавить, что он находился под сильным влиянием догматического марксизма, что, впрочем, в годы его нахождения у власти было характерно для многих руководителей коммунистических партий, в том числе КПСС. Вместе с тем, оценивая опыт МНРП в целом, нельзя отрицать ее вклада в становление монгольской государственности.

Практика преобразований заставляла отдельных деятелей МНРП менять свои убеждения, переходить на реалистические позиции. Это, прежде всего, относится к П. Гэндзуну и А. Амару, которые интуитивно нащупывали национальный путь к социализму, как это позднее сделал Дэн Сяопин в Китае. Фактически они выступали за постепенное проведение реформ, поощрение индивидуальных хозяйств, взвешенный подход к ламству и т.д. Не может не вызывать уважения твердая позиция этих монгольских революционеров в отстаивании ими своих взглядов, даже во встречах со Сталиным. Они были против забегания вперед, перескакивания через необходимые этапы развития.

В четвертой и шестой главах (авторы Е.В. Бойкова и Г.С. Яскина) затрагивается вопрос, который в последнее время приобрел определенную остроту не только в Монголии, но и в ряде тюркоязычных государств Центральной Азии и республик России — о возвращении к традиционной письменности. Как известно, старая монгольская письменность основывалась на уйгурском алфавите. Архаичность правописания затрудняла быструю ликвидацию неграмотности. Кроме того, возникали трудности при написании научных, технических, медицинских терминов, названий государств, имен людей. Начиная с 1930-х гг. в Монголии велись дискуссии относительно перехода на другую письменность, в частности, на латинский алфавит. В конечном счете по политическим соображениям было принято решение перейти на кириллицу.

По мнению авторов книги, этот переход сыграл положительную роль, новая письменность стала связующим звеном между западной и восточной культурой. После мирных революционных событий 1990 г. предпринимались попытки перевода всего государственного делопроизводства на старомонгольский язык, однако этот эксперимент оказался неудачным. Одновременно вновь оживились дискуссии, особенно среди молодежи, о необходимости перехода на латиницу. В этой связи можно привести один примечательный факт. После 1991 г. в одной бывшей тюркоязычной республике Советского Союза, а ныне независимом государстве было издано распоряжение о переводе всей технической документации промышленных предприятий с русского языка на национальный. Однако по прошествии небольшого периода времени оказалось, что это сделать невозможно, поскольку в национальном языке не оказалось необходимых аналогов. Подобный факт говорит о том, что русский язык (как и английский) будут еще долго востребованы в странах, входивших когда-то в орбиту влияния России (и соответственно, США Англии и т.д.).

В конце 1980-х гг. Монголия стала переживать острый социально-экономический кризис, который был обусловлен внутренними противоречиями существовавшего тогда общественно-политического строя. Однако руководство МНРП, несмотря на объявленную им перестройку, не сделало должных выводов из сложившейся ситуации.

Весной 1990 г. под давлением организационно оформившихся к тому времени оппозиционных сил, состоявших преимущественно из молодежи, прежнее руководство государства ушло в отставку. За прошедшие почти двадцать лет в стране произошли серьезные качественные изменения. Прежде всего, вместо курса на социализм высшей целью государства было провозглашено строительство гуманного гражданского демократического общества, вместо однопартийной системы появилась многопартийная. В стране помимо МНРП, сохранившей значительный авторитет в массах населения, возникло несколько новых партий, которые объявили себя демократическими. Однако, на наш взгляд, на-

личие большого количества партий в такой маленькой стране как Монголия еще не есть свидетельство политической демократии, ибо иногда очень трудно провести различия между программами этих партий. Появление их скорее есть результат амбиций политиков, чем действительное отражение интересов определенных общественных слоев, ведь в сравнении с развитыми странами в Монголии нет многоярусной социальной дифференциации. Поэтому требования новых партий в принципиальных вопросах совпадали. Как справедливо отмечает Г.С. Яскина, новые партии зачастую ориентировались на узкие экономические или культурно-религиозные интересы (С. 333). В этой связи следует заметить следующее: опыт Тайваня свидетельствует о том, что не политическая демократия является залогом экономического процветания, а, наоборот, прочный экономический фундамент есть база развития демократии.

Приводимые в книге данные о социально-экономическом развитии Монголии после 1990 г. весьма противоречивы. С одной стороны, в 1994—1995 гг. в результате действия рыночных механизмов наметилась стабилизация монгольской экономики: “начался рост производства продукции животноводства, оживился промышленный сектор, поддержанный иностранными инвестициями. В относительно сжатые сроки была урегулирована проблема высокой динамики инфляции” (С. 350). С другой стороны, в такой важной отрасли народного хозяйства, как животноводство по-прежнему существуют серьезные трудности. После массовой приватизации скота аграрный сектор оказался во власти рыночной стихии. В результате на рубеже XX—XXI вв. в течение нескольких лет произошел массовый падеж скота (С. 352). Одновременно необратимый характер приобрел процесс расслоения общества по имущественным признакам. По словам Г.С. Яскиной, “переход Монголии к демократии и рынку сопровождается обострением социальных проблем — ростом безработицы и бедности, упадком школьного образования, ухудшением системы медицинского обслуживания и т.д. Монголии пока не удалось преодолеть высокий порог бедности... Бедность обусловлена в том числе и миграцией сельского населения из города, вступлением

в трудоспособный возраст многочисленного молодого поколения, медленным созданием рабочих мест, низкими темпами роста потребления и развития внутреннего рынка. Длительная безработица порождает настроения иждивенчества, нежелание работать, потерю трудовых навыков, криминальную обстановку” (С. 358, 359). Серьезный ущерб национальным интересам нанесла проводившаяся в начале 1990-х гг. частичная приватизация государственной собственности, поскольку при этом происходило расхищение и неэффективное использование полученных от нее средств (С. 341).

Важным моментом внутренней политики нового руководства в области культуры можно считать переоценку роли Чингисхана, оценка которого до 1990 г. носила преимущественно негативный характер. По нашему мнению, это был крупный государственный деятель, много сделавший для Монголии, его деяния следует оценивать, исходя из конкретных обстоятельств его времени. Он был не более жесток, чем, например, Александр Македонский или Карл V, но тем не менее их не подвергали такому беспощадному историческому осуждению, как его. Поэтому нельзя не согласиться со словами первого президента демократической Монголии П. Очирбата: “В дело создания монгольского национального государства Чингисхан привлекал людей, не различая их ни по социальному положению, ни по происхождению или религиозным верованиям, учитывая только их ум, образованность, преданность и прилежание. Мы не отрицаем и не одобряем при этом того, что в своих завоевательных военных походах Чингисхан нанес немалый ущерб разным народам, он и сам признавал это” (С. 364).

Отмечая большие достоинства рецензируемой монографии, нельзя в то же время не высказать ряд замечаний и соображений. Прежде всего, хотелось бы видеть в первой главе хотя бы тезисное изложение программных статей, публиковавшихся в первых монгольских печатных изданиях в начале XX в. Далее, вторая глава фактически представляет собой историю становления и развития МНРП, в ней очень мало говорится о социально-экономических процессах, происходивших в стране. Кроме то-

го, в шестой главе следовало бы дать данные о бюджете монгольского государства по годам после 1990 г., а также удельный вес внешних заимствований, если, конечно, есть такие статистические цифры. Интересно также было бы узнать, повысился или понизился по сравнению с 1989 г. жизненный уровень отдельных слоев населения, каков удельный вес отечественного и иностранного капитала в экономике современной Монголии, какова эффективность работы приватизированных предприятий. Соединение в шестой главе материалов, относящихся к последнему периоду существования социалистической Монголии (1984—1990 гг.) и материалов, характеризующих развитие новой демократической Монголии нерационально, ибо создает путаницу в их восприятии. Наконец, недостаточно полно представлены в указателе монгольские термины, поэтому неспециалисту трудно читать текст. Можно назвать следующие термины: чиновник — харачи-

нец, да — лама, чин — ван, цинь — вань, тушету — гун, далай — ван, цзянь цзюнь и др. Непонятно, кто такой ничи-гэгэн (ничитой), почему в научном тексте используется прозвище гамин — презрительное название солдат и офицеров китайских оккупационных войск (С. 47). Неудачно сформулировано название одного из разделов седьмого параграфа шестой главы. Его следовало бы назвать “Большая роль Японии во внешней политике и экономике Монголии”. В начале пятой главы содержится материал, не относящийся прямо к теме книги.

Высказанные замечания не влияют на общую высокую оценку монографии. Без преувеличения можно сказать, что она является существенным вкладом в мировое монголоведение, ведь аналогичного труда нет ни в одной другой стране. Вызывает сожаление ее неоправданно малый тираж (300 экз.). Книга, безусловно, заслуживает переиздания в дополненном и уточненном варианте.

© 2010

*В. Буров,
доктор философских наук*

**Сила и ограничения: общий взгляд США и КНР
на взаимоотношения между ними
Power and Restraint: A Shared Vision for the U.S.-China
Relationship / ed. by Richard Rosecrance and Gu Guoliang.
New York: Public Affairs, 2009. 272 p.**

Коллективную монографию ведущих американских и китайских политологов о перспективах двусторонних отношений, даже исходя лишь из формальных признаков, по праву можно отнести к революционным публикациям.

Во-первых, впечатляет уровень авторского коллектива, в который с американской стороны входят такие известные ученые как Дж. Най (бывший заместитель министра обороны и высокопоставленный сотрудник Госдепартамента США, автор теории “мягкой” (soft) и “умной” (smart) силы) Э. Фогель (профессор и бывший директор Программы восточноазиатских исследований Гарвардского университета),

Г. Аллисон (директор Центра международных исследований в Гарварде, бывший заместитель министра обороны США), а со стороны КНР — Дун Цзяньхуа (заместитель Председателя НПКСК, бывший глава САР Сянган), Ян Цземьянь (президент Шанхайской академии международных исследований, брат министра иностранных дел Китая Ян Цзечи), Ван Цзисы (директор Института международных отношений (“Института Цянь Цичэня”) Пекинского университета, директор Института стратегических и международных исследований Высшей партийной школы при ЦК КПК, вице-президент Китайского форума реформ) и другие видные политики и ученые.